

*Погоний Анатолий Михайлович, студент магистратуры,
Северо-Западный институт управления - филиал федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования "Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации",
Россия, г. Санкт-Петербург*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА

Аннотация: В настоящей статье рассмотрена особенность законодательного регулирования доктрины «снятия корпоративной вуали» в Российской Федерации, а также в контексте корпоративного права, отмечен ряд проблем применения данной доктрины и ее перспективы развития.

Ключевые слова: доктрина, субсидиарная ответственность, корпорация, банкрот, фискальная сфера.

Annotation: This article examines the peculiarity of the legislative regulation of the doctrine of "removing the corporate veil" in the Russian Federation, as well as in the context of corporate law, a number of problems of the application of this doctrine and its prospects for development are noted.

Keywords: doctrine, subsidiary responsibility, corporation, bankrupt, fiscal sphere.

Конструкция юридического лица, основанная на принципах автономности и ограниченной ответственности, упрощает развитие бизнеса за счет увеличения возможностей привлечения и объединения капиталов, снижения рисков,

связанных с функционированием на рынке. Однако, сложная структура взаимоотношений хозяйствующих субъектов одновременно приводит к возникновению некоторых проблемных вопросов, в частности, на практике может не в полной мере соблюдаться принцип автономности по причине пересечения интересов контролирующих лиц общества и самого юридического лица. Это наводит на мысль о том, что в определенных случаях использование такого преимущества конструкции юридического лица, как ограниченная ответственность его участников нельзя назвать обоснованным.

Провозглашение рыночной экономики в Российской Федерации потребовало пересмотр ранее существовавших подходов, что включало в себя передачу и развитие в российском законодательстве новых отраслей и институтов права, уже имеющихся в других правовых системах. Для корпоративной сферы это стало особенно актуально.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» является институтом, заимствованным из системы общего права. Не менее значимым моментом является возможность определить саму доктрину «снятия корпоративной вуали» как институт коммерческого права. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что невозможно представить самостоятельный предмет и метод предпринимательского права, которые бы не пересекались с гражданским правом и были отделены от гражданского права. Коммерческое право – это совокупность общих и специальных норм именно гражданского права, которые регулируют отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием. Таким образом, коммерческое право представляет собой функциональную подотрасль гражданского права [2].

Представляется, что понятие «снятия корпоративной вуали» можно определить как правоотношения, складывающиеся у корпорации не только с третьими лицами (ответственность основного общества по обязательствам дочернего), но и со своими участниками (ответственность лиц, фактически определяющих действия организации).

В рамках института «снятия корпоративной вуали» существенную роль

играет понимание различий моделей ответственности контролирующих лиц по его обязательствам: внутренняя (перед непосредственно юридическим лицом) и внешняя (перед кредиторами).

Внутренняя модель (немецкая) предусматривает возможность подачи косвенного иска, в частности, кредитором юридического лица, в котором обозначено требование о взыскании имущества в пользу компании. Если корпорация получает обозначенное имущество, то у кредиторов появляется возможность удовлетворить свои требования. Ответственность участника корпорации перед ее кредиторами в данном случае является опосредованной. Внешняя модель предполагает, что цель кредитора состоит в получении непосредственного доступа к имуществу участника юридического лица.

Существует мнение, согласно которому только внешняя модель относится к подлинному «снятию корпоративной вуали», т.к. доктрина связана с проникающей ответственностью, для которой определяющим признаком является удовлетворение требований кредиторов от непосредственно контролирующего лица.

Обращая внимание на практику применения данного института в странах запада, наиболее частым является подход, когда суд наделен широкими полномочиями касаясь применения доктрины «снятия корпоративной вуали». Что касается отечественного законодательства, стоит учитывать то обстоятельство, что российская правовая система официально не признает судебный прецедент в качестве источника права. По этой причине важным является закрепление доктрины непосредственно в рамках законодательства.

Впервые о необходимости внедрения в российскую правовую систему доктрины «снятия корпоративной вуали» в 2011 году трактовал Председатель ВАС РФ А. А. Иванов в своем выступлении на итоговом совещании председателей арбитражных судов России.

Анализ российского законодательства на предмет наличия положений, прямо или косвенно относящихся к доктрине «снятия корпоративной вуали», позволяет найти отражения в нескольких институтах российского

законодательства. Их можно разделить на следующие группы и подгруппы:

1) Привлечение к ответственности основного общества по обязательствам дочернего:

а) Ответственность основного общества по долгам дочерней организации в том числе в рамках процедуры банкротства — п. 2 ст. 67.3 ГК РФ, п. 3 ст. 6 Закона об АО, п. 3 ст. 6 Закона об ООО, глава III.2 Закона о банкротстве, ст. 189.23 Закона о банкротстве;

б) Ответственность основного общества по долгам дочерней организации в случае неисполнения налоговых обязанностей — подп. 2 п. 2 ст. 45 НК;

2) Привлечение к ответственности участников общества и контролирующих организацию лиц:

а) Ответственность участника (учредителя) общества по его долгам перед третьими лицами — ст. 53.1 ГК РФ;

б) Ответственность участника (учредителя) общества или других лиц, по его долгам в рамках процедуры банкротства — п. 3, 3.1 ст. 3 Закона об ООО, п.3 ст. 3 Закона об АО;

в) Ответственность лиц, контролирующих кредитную организацию в рамках процедуры банкротства — ст. 189.23 Закона о банкротстве.

Особое внимание приковывает к себе непосредственно налоговое законодательство. Так, системное истолкования ст. 45 и 20 НК РФ позволяет сделать вывод о том, что «налоговая взаимозависимость» не предполагает доказывание полного и всеобъемлющего контроля или связанность компаний. Передача имущества от недоимщика к лицу, на которого перекладывается фискальный долг, согласно ст. 45 НК РФ, рассматривается как объективный факт – без выявления недобросовестности сторон. Т.е. противоправный характер таких действий презюмируется и налогоплательщик должен доказать обратное [3].

В рамках проведенного анализа законодательства интересным представляется вопрос о соответствии моделей солидарной и субсидиарной ответственности целям доктрины «снятия корпоративной вуали».

Солидарная ответственность представляет собой согласно п.2 ст. 323 ГК РФ право кредитора требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга. При применении солидарной ответственности как механизма «снятия корпоративной вуали» возникает ситуация, когда кредитор имеет права сначала возложить ответственность как на дочернюю компанию, так и на контролирующее лицо (в т.ч. основное общество). По мнению автора, такой подход не в полной мере соответствует сути доктрины, заключающийся в том, что механизм должен применяться в исключительных случаях [4]. Зачем привлекать к ответственности материнскую компанию, если дочерняя организация имеет достаточно имущества для исполнения обязательств?

Определенными недостатками обладает и модель субсидиарной ответственности контролирующих лиц, используемая в законодательстве о банкротстве. Да, кредиторы имеют возможность напрямую обратиться к контролирующему лицу с целью взыскания имущества. Однако, данное имущество поступает сначала поступает в конкурсную массу, откуда впоследствии распределяется между кредиторами в определённой очередности [1].

Несмотря на это, можно говорить о том, что доктрина «снятия корпоративной вуали» получила закрепление в российском законодательстве. Ее применение должно способствовать борьбе со недобросовестным поведением в корпоративной, банкротом и фискальной сферах с поправкой на их специфику. Необходимость такого разграничения связана с тем, что, например, согласно законодательству о банкротстве, заявителю при подаче иска о привлечении к субсидиарной ответственности достаточно доказать только факт наличия событий, которые принесли вред кредиторам – доказывать вину учредителя или кредитора не требуется. Напротив, из п. 10 ст. 61.11 ФЗ О несостоятельности (банкротстве) прямо следует, что контролирующее лицо для избегания ответственности должно доказать отсутствие своей вины. То есть при процедуре банкротства действует «презумпция виновности» контролирующего лица.

Библиографический список:

1. Егоров А. В. Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. (дата обращения: 25.04.2022).
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 года). Режим доступа: СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 25.04.2022).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч.1) от 31 июля 1998 года №146-ФЗ. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»; Налоговый кодекс Российской Федерации (ч.2) от 5 августа 2000 года №117-ФЗ. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 25.04.2022).
4. Чем заканчивается деофшоризация // Vedomosti.ru: [Портал]. – 3.11.2017. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opi№io№/articles/2017/10/04/736384-deofshorizatsiya>. (дата обращения: 25.04.2022).